Гарри лежал без сна в постели, уставившись в потолок площади Гриммо, в то время как события дня проносились в его голове. Они пробыли в Министерстве магии почти до полуночи, изучая улики неофициального ареста Рональда Уизли. Было решено, что рассказ Рональда за несколько дней до этого прямо противоречил воспоминанию Гермионы о том, что на самом деле произошло, хотя это не могло быть подтверждено до тех пор, пока у Рональда, однажды принесенного на хранение, не было взято задумчивое изображение.

Кингсли заверил Гарри, что память Гермионы была изменена не какой-нибудь ведьмой или волшебником, а Амортенцией. Очевидно, живой контроль Гермионы над своим разумом боролся с эффектами положения, а это означало, что они не продлятся так долго. Это означало, что Рону приходилось давать ей дозу чаще, чтобы получить тот же эффект.

— Хм, любовь — это действительно наркотик, — пробормотала Гермиона во время встречи, хотя все в комнате встретили ее пустыми взглядами. В какой-то момент Кингсли упомянул, что Рон вовсе не собирался убивать Гермиону, хотя это не уменьшило бы его тюремного срока, поскольку половина Министерства хотела оторвать ему голову за то, что он связался с одним из своих. Это вызвало улыбку на губах Гарри,

«Я рад, что Кингсли меняет Министерство», — подумал он, хотя улыбка тут же исчезла, когда он подумал о Гермионе. Со вчерашнего дня она выглядела болезненно, и хотя она действительно только что пережила это испытание, Гарри хотел, чтобы она снова вернулась к своему нормальному цвету. Как будто это щелкнуло каким-то спусковым крючком в его голове, Гарри внезапно почувствовал необходимость встать и проверить ее. Он был немного встревожен внезапной неожиданной мыслью, хотя должен был признать, что его инстинкты действовали на пределе с тех пор, как он увидел ее в больнице. Встав с кровати и накинув халат поверх ночной одежды, Гарри вышел из своей комнаты и направился через холл, остановившись перед дверью Гермионы, чтобы послушать:

«Это не страшно, Гарри, если ты просто... беспокоишься о ней», — сказал себе Гарри, пытаясь оправдать это странное чувство привязанности к своему лучшему другу. Очевидно, он защищал ее, даже в школе и в бегах, но никогда не проявлял к ней инстинктивности. Собрав все свое мужество, Гарри медленно открыл дверь в библиотеку, ныне спальню. Камин пылал, заливая все оранжевым светом. К счастью, Гермиона лежала в постели, где и должна была лежать, и выглядела крепкой. Винки лежала в своей личной корзине у тумбочки и тоже спала под, как предположил Гарри, заглушающими чарами. Маленькая эльфийка полюбила Гермиону, как только она вошла в дом, и сразу же настояла на том, чтобы остаться с ней. Гарри не жаловался,

Однако, когда он уже собирался нырнуть из комнаты, тихий голос Гермионы застал его врасплох:

"Гарри?"

Это был едва слышный шепот, но в тишине он звучал как визг. Моргая и оборачиваясь, Гарри уставился на неподвижный комок, прежде чем снова раздался голос: «Гарри?»

Поняв, что к нему обращаются, Гарри подошел к краю кровати и увидел, что глаза его друзей

открылись. У нее было странное выражение лица, когда Гарри внезапно захотелось ее убаюкать.

— Почему ты не спишь? — спросил он, опускаясь и отдыхая на краю матраса. Гермиона переместилась и села, приподнявшись на локте, карамельные пряди шелковистыми прядями упали на ее щеки и руку. Гарри тут же почувствовал, как разгорячился

. «Она выглядит такой красивой в свете костра».

«...гм... все в порядке?»

Гермиона склонила голову набок и подняла бровь, полусонное остекление ни разу не покидало ее глаз. Это было немного странно, решил Гарри, разговаривая с ней, пока она не присутствовала полностью.

— Зачем ты пришел, Гарри?

Гарри моргнул и снова откашлялся, не зная, видно ли его румянец в свете костра

. — Гарри, зачем ты пришел?

"Я-я чувствовал, что мне нужно", - наконец ответил он, чувствуя себя немного глупо из-за нелогичного ответа. Она не была Волан-де-Мортом или кем-то вроде того, посылала сообщения через его шрам (спасибо, Мерлин), «это было похоже на... внутренний инстинкт».

— Забавно, — пробормотала Гермиона, глядя в сторону и немного отводя взгляд, — я думала, что ты мне нужен.

"Т-ты был?" Гарри встревожился. Это не был какой-то трюк Пожирателей Смерти, не так ли?

— Ага. Но, Гарри, я больше не... я больше не люблю Рона.

"Вы действительно не должны, если он использовал Амортенцию-"

«Нет... мой разум твердит, что я должна любить его, мы через многое прошли. Я собираюсь выйти за него замуж».

Сердце Гарри упало, когда его лицо сморщилось. Гермиона смотрела на балдахин своего четырехэтажного дома, нахмутив брови в глубокой сосредоточенности:

«Но мое сердце говорит, что это неправильно. Что он неправ. Теперь есть кто-то еще... кто-то более важный...»

Гарри слегка подавился собственным дыханием, глядя на лицо Гермионы, когда она медленно моргала, а рука легла на одеяло над ее животом. Гарри сидел в замешательстве, наблюдая, как дыхание темноволосой ведьмы выровнялось, и она снова заснула. Покачав головой в собственном оцепенении, Гарри встал и поправил одеяла, смахнув завиток с ее лица, пока гасил огонь в очаге. Выйдя из комнаты, Гарри мягко прикрыл дверь и прислонился к ней, глядя в унылый и серый коридор площади Гриммо

. — Это только что случилось? — мысленно спросил Гарри, отказываясь спать всем вместе и направляясь на кухню за чашкой кофе, — это было похоже на сон, но... нет. Это было жутко»,

"Эй, щенок, ты не должен быть в постели?"

Гарри оторвался от кружки черного кофе и улыбнулся портрету Сириуса, висевшему на другом конце стола. Он отсутствовал, исследуя другие фреймы, уже несколько недель и, должно быть, только что вернулся.

«Привет, Сириус. Полагаю, ты знаешь, что произошло с тех пор, как тебя не было?»

«Конечно, новости распространяются быстро на портретах. Гермиона здорова?»

«Я не уверен, Сириус. Кажется, с ней все в порядке, но я просто... чувствую, что она прячется от меня. И у меня только что был очень странный опыт...»

Гарри как можно подробнее рассказал о своем пребывании в комнате Гермионы, пока Сириус тщательно тер волосы на лице. На финише портрет выглядел созерцательным,

— Ну, Гарри, мне кажется, Гермиона пытается тебе что-то сказать, возможно, что-то, что она слишком боится сказать тебе, будучи в полном... э-э, в сознании.

— Значит, я разговаривал с Гермионой, а не с каким-то пророчеством или чем-то еще?

Сириус покачал головой.

«Я так не думаю, Щенок. Вероятно, это беспокоило ее, и ей нужно было избавиться от этого. Я уверен, она не вспомнит, что говорила тебе завтра, но она почувствует, что что-то изменилось. Меня интересует, почему у тебя возникло ощущение, что ты ей нужен .

«Это было очень странно, как будто в моем сознании щелкнул выключатель, и я просто должен был пойти к ней. С Волдемортом или другими моими друзьями такого никогда не было...»

«Было ли это раньше? Я имею в виду инстинктивные чувства?»

Гарри напряженно думал, понимая, что это чувство восходит к их первому году в Хогвартсе. Гарри был первым, кто вспомнил, что Гермиона была в ванной, когда тролль вырвался на свободу. Он также был готов наброситься на него, чтобы защитить ее. Он был обезумел, когда василиск парализовал ее, и чувствовал себя плохо за несколько часов до ее открытия. Гарри крепко держал Гермиону той ночью в лесу, пытаясь спасти Сириуса, и он хотел спасти ее первым, когда она была под Черным озером во время турнира Трех Волшебников. Затем произошло Министерство, и он практически мог чувствовать ее боль, когда той ночью ее поразило неизвестное заклинание, которое оставило шрам цвета сливы. Он утешал ее во время их последнего года в Хогвартсе, и он чувствовал потребность облегчить ее боль в тот год в бегах своим телом. Это всегда была Гермиона. Ни Рон, ни кто другой. Это всегда была она.

— Черт возьми, — выдохнул Гарри, откинувшись на спинку стула, а Сириус усмехнулся.

«Думаю, теперь он у тебя есть, Щенок».

— Но этого не может быть. Она влюблена в Рона. Она сказала об этом сегодня, когда я с ней разговаривал.

— Нет, Гарри, она думает, что влюблена в Рона. Амортенция — очень сильный яд, и он проникает глубоко в разум. Со временем она тоже это осознает. в тот момент, когда я действительно верю, что она охраняет себя, пока не узнает наверняка,

— Ты хочешь сказать, что Гермиона любит меня?

От этой мысли у Гарри отвисла челюсть, и Сириус слегка пожал плечами.

- Я не могу сказать тебе этого наверняка, Щенок. Все, что я знаю - и никогда не верю портретам на слово, - это то, что у тебя очень глубокая связь с этой молодой женщиной. По каким причинам я не могу сказать, но я думаю, что в время, вы можете понимать их так же хорошо, как и юная мисс Грейнджер.

"Правильно. Верно, любовь может быть не в этом. Это, вероятно, не любовь. Спасибо за беседу, Сириус, я, вероятно, должен попытаться и поспать. Завтра занятой день,"

«Хорошо, щенок. Спокойной ночи».

Гарри поставил свою кружку в раковину и устало вернулся в спальню, рухнул на простыни и натянул их на себя. К сожалению, несмотря на его истощение, сон так и не пришел,

• «Но мое сердце говорит, что это неправильно. Что он неправ. Теперь есть кто-то еще... кто-то более важный...» •

Гарри повернулся в своей постели, пытаясь отключить свои мысли, но потерпел неудачу и

снова сдался,

- "Теперь есть еще кто-то... кто-то более важный..." - рука останавливается на одеяле над ее животом •

Все было так ясно, что глаза Гарри резко распахнулись, когда он сел в постели и рухнул вперед с открытым ртом.

«Святой сверчок!»

<http://tl.rulate.ru/book/76276/2272000>